

Заметки комментатора [5.] Казус Пестовского

Р.Д. Тименчик

Аннотация: Недавнее (2016) издание поэм Вл. Пяста («По тропе Тангейзера», «Поэма о трех городах») позволяет поставить ряд текстологических, эдичионных и комментаторских вопросов.

Ключевые слова: Вл. Пяст, комментарий историко-литературный, комментарий историко-бытовой, поэзия символизма и постсимволизма.

Сведения об авторе: Роман Давидович Тименчик, проф. Еврейского университета (Иерусалим, Израиль). E-mail: litfact@gmail.com

Короткая память в отношении к Пясту
наш общий грех.

О. Мандельштам

А все откуда? А всё оттуда —
Из анекдота, из анекдота.

Н. Горбаневская

1. Об исправности текста

В Одессе вышли в прошлом году две книжки, представившие часть литературного наследия Владимира Пяста. Во-первых, поэзия его — вослед двадцатилетней давности сборнику подвижнического томского издательства «Водолей», — блоковского друга, имевшая немногочисленных ценителей как в России (например: «Вчера критик Поступальский говорил о замечательности Вашей лирики...»¹), так и в эмиграции (например, рецензент, — весьма вероятно, Юрий Офросимов, — писавший по поводу «Истории русской литературы» Артура Лютера: «Среди поэтов, выделяю-

¹ Письмо Б.М. Зубакина В. Пясту: Новое о Мандельштаме / Публ. Л.С. Ильинской, А.И. Немировского // Филологические записки. Воронеж, 1994. Вып. 3. С. 162.

щихся после смерти Блока и Гумилева, необходимо было отметить О. Мандельштама и Вл. Пяста»²) при жизни поэта, да и по смерти его (например: «Особенно настаивал Борис Слуцкий на том, что никто не ценит такого поэта, как В. Пяст. — Его высоко ценили Блок и Гумилев, — со свойственной ему стальной убежденностью говорил он. — Мы все в большинстве растем вширь. А вот Пяст — упорно куда-то в сторону»³), еще обстоятельно не рассматривалась как неотъемлемая часть символистского корпуса. В книге перепечатана биографическая заметка об авторе, написанная Е.Р. Обатиной⁴.

Во-вторых, — и это самое событийное, — вторая книжка включает в себя две большие поэмы, числившиеся до прошлого года в важнейших desiderata по истории символизма/постсимволизма (приложен и стихотворный перевод из А. Стриндберга, в томе перепечатаны также статьи Е.М. Голубовского, Ю.В. Дойкова, фрагменты из мемуаров Надежды Мандельштам, обнародованы внутренние рецензии 1930-х годов и письмо Пяста И.В. Сталину января 1936 г. при посылке «Поэмы о трех городах»). Первая пространная поэма «По тропе Тангейзера» — в тридцати одном «отрыве» (Мандельштам шутил: «Слышу на улице шум быстро идущего Пяста, / Вижу: торчит из пальто / Семьдесят пятый отрыв») — имеет центральным сюжетом путешествие автора в Саратов для бесед со старцами в 1926 г., вторая — «Поэма о трех городах» (Петербург-Петроград-Ленинград) из четырех с половиной тысяч стихов, начатая писанием в 1932 году в ссылке в Архангельске, куда Пяст попал после ареста в 1930 году за контрреволюционную деятельность («по моему мнению — вследствие недоразумения», — писал он поэту Акопу Акопяну⁵), продолженная в Одессе в 1934 году, подвергалась по ходу сочинения и пересочинения неизбежной конъюнктурной правке и была окончательно

² О.Г. [Рец. на кн.:] Arthur Luther. Geschichte der russischen Literatur. Leipzig, 1924 // Дни. 1924. 18 мая.

³ Борис Слуцкий: Воспоминания современников. СПб., 2006. С. 542 (воспоминания В.Цыбина).

⁴ Литературный Санкт-Петербург. XX век. Энциклопедический словарь: В 3 т. СПб., 2015. Т. 3. С. 116–118. К сожалению, в текст заметки к словам «перед смертью, наступившей от заболевания раком», врезана фраза «(по другим данным, покончил с собой)» — версия, с которой всю жизнь боролась процитированная далее падчерица Пяста Татьяна Филипповна Фоогд-Стоянова (познакомившая в Амстердаме в 1997 г. автора этих строк с хранившейся у нее частью архива поэта). Сама заметка эта написана, по-видимому, достаточно давно, — в ней, например, отсутствует ссылка на другую энциклопедическую статью о Пясте: Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 228–231.

⁵ ОР РНБ. Ф. 622. Оп. 1. № 5.

отставлена, по-видимому, с началом «большого террора». Обе они на две единицы расширили список пястовских «анекдота», неизданного тож.

Напомню, что сразу после смерти поэта начались поиски его архива. Ю.Н. Верховский писал В.Н. Княжнину (Ивойлову) 1 декабря 1940 г.: «Вл.Дм. Бонч-Бруевич интересуется рукописным наследием покойного Пяста, и меня просили поразузнать, не сохранилось ли чего у Нонны Александровны, а также у Омелянович — и еще у кого-нибудь в Ленинграде»⁶. Рукописи и списки поэм и прозы покойного с того предвоенного, последнего в жизни поэта года разбрелись по свету (проза по большей части пока и не обнаружена). Счастливым решением одесских издателей сделан первый шаг к преодолению обидной исторической несправедливости. В некоей перспективе — издание этих текстов как полноценного литературного памятника эпохи т. ныне н. серебряного века.

Поэмы эти в своих отступлениях от основного сюжета, — в «откатах», как называет их автор (С. 88)⁷, содержат капсулы мемуарных новелл, которые могли бы войти в задуманную Пястом перед арестом вторую часть «Встреч». К примеру, в строфах о любимом поэте —

...не смею

Я уж вымалывать участь, подобную Мею:

Стыдно в Осмеркинской студии слыть за профана,
Что ж что Есенин... Но «Притчу пророка Нафана» —

Нет ей соперницы по музыкальному блеску! —
«Вихорь», «Еврейские песни», «Цветы» и «Тедеску»,

«Фринэ», «Самсона» с его предсказанием точным,
«Альфуса», «Дым», «На бегу», «Подражанье Восточным», —

Все бы алмазом иссечь, чтоб века сохранилось!
«Знаешь ли, Юленька, глупо, а все же приснилось» (С. 251–252)

⁶ ИРЛИ. Ф. 94. № 52. Л. 3. Нонна Александровна — первая жена Пяста, Надежда Степановна Омелянович — вторая. См. о ней в письме М.А. Бекетовой 1935 г. к Пясту из Ленинграда в Одессу: «Хочу спросить Вас, что Вы разумеете под тем, что какая-то неизвестная мне Зоя послужила причиной моего антагонизма с Над[еждой] Степ [ановой]? Мой антагонизм состоит в том, что я считаю ее отчаянной эгоисткой: ведь она чуть не потеряла Ваши рукописи и не хотела Вами заниматься; если бы не покойная и добрейшая Ваша тетушка, все бы пропало. Да и вообще она Вас часто уже надувала под видом благородства и бескорыстия» (*Voogd-Stojanova T. // To Nonour Jeanne Van der Eng-Liedmeier. Amsterdam, 1980. P. 94; «Зоя» — героиня «Поэмы о трех городах»; тетушка — О.П. Вакуловская.*)

⁷ В дальнейшем номер страницы в скобках означает ссылку на издание: *Пяст В. Поэмы / Сост. А.Н. Катчук. Одесса: Изд-во Optimum, 2016.*

— содержится, как кажется, намек на эпизод с участием Сергея Есенина в мастерской художника Александра Осмеркина, который в 1925 году писал портрет Пяста. Сюда же вкраплено предостережение гонителям поэтов отсылкой к меевскому «Сампсону» —

Ты, умственный атлет гремучих наших дней,
 Певец, и ты силен как ветхий назарей:
 Ты так же смел и горд пред силою земною
 И так же слаб, как он, пред всякой красотой...
 Но если б ты погиб и духом изнемог,
 Но если бы тебя коварно усыпили,
 И предали тебя врагам, и ослепили
 О!.. За тебя тогда заступится сам Бог, —
 И за тебя, за нового Сампсона,
 Во прахе разгромит все капище Дагона, —

подобно тому, как в предыдущий период своего подсоветского существования он напоминал власть имущим про меевскую «Эндорскую прорицательницу»: «кстати, это стихотворение имеет конец, предназначенный для связи его с современностью:

То царство распадется в прах,
 В пучине зол и бед потонет,
 Где царь пророков вещей гонит
 И тщится мысль сковать в цепях!»⁸

Или, вдобавок к рассказанному во «Встречах» об Александре Головине, он в поэме «По тропе Тангейзера», повествуя о том, как задумался было в 1926 году о переходе из строгого православия в снисходительный ислам, в скобках вспоминает:

Головин, «мирискусник», художник и лев,
 С ним лет за десять виделся дважды я.
 И всегда молодел я, душой посвежев,
 Старика в посещение каждое.

Был он прямо противоположен
 Идеалу Старца Соловецкого.
 В дэнди этого великосветского
 Все же прозорливец кем-то вложен.

Объяснение можете речи его
 Дать иное? — «Бывают случайности?»
 Об исламе завел ни с того ни с сего
 Разговор, — говорится: без крайности.

«Знаете ли вы, что Магомета
 Вымирает догма правоверная?

⁸ Л.А. Мей и его поэзия / Ред. и ст. Вл. Пяста. П., 1922. С. 15.

Лег через десятка два, наверное,
Песня мусульманства будет спета.

Тут виною ли Порты, «больной человек»⁹,
Или перст Немезиды карающий,
Но религию эту в теперешний век
Нам нельзя не признать умирающей...» (С. 168)

Впрочем, сам автор своей заслугой считал не только штрихи к обликам своих именитых современников и экскурсы в духовные кладовые рубежа двух предыдущих веков, а бытописание, сворачивание «с Дантовой и Тассовой дороги» «к Потопенке назад» (С. 186). Его идеалом на минуты становится пристальная жанровая живопись в манере Питера де Хоха:

...другим предоставлю большие полотна.

Малый голландец под стать мне, какой-нибудь Питер
Хоэг; стремлюсь к одному, отразился бы «Питер»

В жанрах моих, с каталожной пометкою «масло».
Разум пока мой остер, и пока не угасло,

Вышею силой раздуто в костер ненароком,
Памяти пламя, — да буду о прошлом пророком! (С. 271)

Он фиксирует мелочи петербургского уклада; так, у него, посадив даму на дрожки, —

Номер извозчика крикнул ей вслед, как обычай
Требует, ротмистр (С. 325)

(нам доводилось убеждаться в живучести этого обычая, садясь в такси сто лет спустя).

Или «Питерское выраженье [...] вместо жительниц улицы ставить» (С. 244), но кажется не только питерское — см. у москвича Пастернака: «Бывалый гул былой Мясницкой / Вращаться стал в моем кругу...».

Владимир Пестовский-Пяст был поэт, действительно понимающий души вещей, как человек эпохи Метерлинка, и умеющий в вещь вписать мифологему:

Уже не вздрагиваешь весь пугливо
Когда тебе кто «закурить предложит».
Разверстые скрижали портсигара
Тебя теперь соблазном не тревожат (С. 129).

⁹ We have on our hands a sick man, — a very sick man, — сказал Николай I о Турции в разговоре с британским послом в 1853 году, может быть, и цитируя «Персидские письма» (The Home Book of Quotations, classical and Modern. Selected and arranged by Burton Stevenson. New York, 1934. P. 2061).

Как видим, кавычками отмечены новые словечки 1910–1920-х, как и в других случаях:

...не забуду, хоть петь не могу, тополей я,
Роль в моей жизни их тоже была «колоссальной» (С. 360),

или:

...Суетливый и громоздкий неустроенный «желдор».
«Бесплацкартная» — на жесткой верхней лавке проведенная
Ночь, и утренняя давка на вокзале обыденная... (С. 173),

или:

Кто борется (хвала ему и честь)
С «кошмарами», которых и не счесть
В речах — писательской и разговорной:

«Полпервого», «пока» и «я пошла»,
«Мы влазили», — хвала тому, хвала
За труд неблагодарный и упорный.

Но как бы слух к такому ни привык,
Как это бы ни вклинилось в язык,
Оно в нем будет глупою «нагрузкой»,

За годы рабства Неманов и Висл
Законной мезтью... Хуже, если смысл
Звучащего не понимает русский.

В такой стране невыносимо жить,
Где, говоря: «Пришлось мне одолжить»,
Воображают сказанным: «Я занял» (С. 96–97).

Но тут прервем рассказ о россыпи бесценных для историка русской бытовой культуры острых деталей в сочинениях Пяста, чтобы оговорить досадную ненадежность предъявленного текста.

Во-первых, поэмы напечатаны не полностью. В «Трех городах» пропущены главы XX–XXV. Не вошло, таким образом, в числе прочего, «отяжеляющее» и «недоступное для читателя», — по мнению рецензента 1930-х годов — отступление о «Башне» (С. 443). Тут, кстати, возникнет вопрос — надо ли уже для сегодняшнего читателя комментировать, наряду с прочими звездными именами, еще одного обитателя Википедии: Анатолия Григорьевича Железнякова, более известного как Матрос Железняк (20 апреля (2 мая) 1895, село Федоскино, Московская губерния — 26 июля 1919, Пятихатки, Екатеринославская губерния) — балтийского матроса, анархиста:

Тот же Таврический, перед Войною недавней,
Думу вмещал малославную, — коей бесславней

После Собрание некое там помещалось...
С жизнью своей эфемерной оно распрощалось,

И приступить не успев к болтовне бесполезной,
Железняковской руки под нажимом железной.

Прямо гляди через Пруд из беседки, — всегдашней
Рифмой мелькнет тебе Дом за деревьями — с Башней,

В ней-то — не как во дворце — вековечная слава
Храм создала себе, гением муз Вячеслава

И Кузмина, обитавших в том башенном доме,
Кроме которых (хоть есть ли нужда в этом «кроме»?)

В ней побывали другие бессмертные целой,
Можно сказать, академией: Брюсов и Белый,

Блок, Сологуб и Волошин, подолгу живавший
В башне; Сергей Городецкий (как все, завывавший)...

Там зародился, по Белому, дик и неистов,
Бунт двуголовый (читай — «манифест» акмеистов)

Хлебников «признан» был там, Пастернак с Мандельштамом, —
Раньше чем где-либо... А поэтическим дамам

Где было воздано столько любви и почета?
...Там же толпились они и без счета.

Но о «засилье поэтов» тогда и помину
Не было! — Башни хозяин души половину

Выделил, если не больше, художникам прочим,
В башне, безвестным, но мудрым воздвигнут[ой] зодчим, —

В Башне, глядящей в Таврический, в Думу и в небо,
Из основных мирискусников кто только не был?

Хоть живописцам обычно скушны разговоры,
Но основателя звездоиздательства «Оры»,

Автора славных «По Звездам» и «Кормчие Звезды»,
Так мастера почитали, что целые гнезда

Вкруг его Башни птенцам своим юным свивали...
Чаще же всех знаменитостей кисти бывали

Бакст, Добужинский, Судейкин, — а главное: Сомов,
Маг умирающих снов, совершенств невесомых...

Был молодых композиторов замкнут и тесен
Башенный круг: глубже всех Каратыгин и Гнесин

Нас погружали в свое музыкальное море
Вычисленных обертонами фантасмагорий.

Ночь напролет посвятив обсуждению вопросов
Метафизических, тут выступали философ

Вслед за философом: Розанов, Эрберг, Аничков,
Галич, Бердяев и Эрн, выкрутасно напичкав

За ночь уставшие, все выносящие уши,
Пачками доводов... пачкали юные души,

(В давней поэме об этом рассказано кем-то...)¹⁰
(Их вообще, сколько в башне зачато поэм-то!)

...Там, в кой огонь в сочтаньи чудовищном со льдом,
Памятку Башни закончу сейчас — Мейерхольдом,

И хоть неназванных многих заперет досада,
Выйду из сени дубовой дуплистого Сада,

В одноименную улицу...

Почему-то не вошел в текст первой поэмы и заменен отточием «Отрыв двадцать шестой: Расплаты, коли суждена расплата» (С. 153) — рассказ об умирании девочки, во многом по неизбежности совпадающий со стиховым нарративом «Смерти пионерки» Багрицкого, содержащий в себе опыт графического оформления интертекстуального двуголосия — расположенные рядом по горизонтали четверостишия Пяста и Мандельштама («Этот эпиграф — из Мандельштама — в этом месте проходит второй темой»)¹¹.

Не подвергавшийся комментаторской рефлексии текст пестрит неверными прочтениями и опечатками, вроде новгородских пятен вместо пятин (С. 57), Карамзина вместо Каразина (С. 359), абракадабры в латинице и самовольной правки текста.

Из самых злосчастных опечаток, приводящих, как говорила в таких случаях, не называя Пушкина, Ахматова, к оскорблению величества (*Laesus majestatis*):¹²

К желтому Банку сворачивал с Зоей теперь я.
Банковский мостик. Два льва, но не те, что воспеты
Тем, перед кем, — как прелаты в присутствии папы,
Мы обнажаем тонзуры, снимаем мы шляпы, —
Небольшим перед поэтом, меньшие поэты... (С. 358)

Небольшой — вместо «набольшего» — «головы дому или делу, старшины» (Даль).

¹⁰ Пяст имеет в виду свою «Поэму в ногах» (1908).

¹¹ *Тименчик Р.* Что вдруг. Статьи о литературе прошлого века. М., 2008. С. 301–302. С машинописной копией поэм, хранящихся в Мемориальной квартире Андрея Белого (отдел Государственного музея А.С. Пушкина), меня любезнейшим образом ознакомила Моника Львовна Спивак.

¹² *Ахматова А.* Записные книжки. М.; Torino, 1996. С. 378.

2. О трудностях чтения и комментирования

«Отрывистая вязь» (С. 185) пястовских поэм — отражение его нестандартной личности. Далекий от его мира, но пронизательный Евгений Шварц вспоминал:

Он до того был углублен в запутаннейшие ходы своих мыслей, что я каждый раз удивлялся, когда узнавал он меня на улице. Говорил Пяст голосом дрожащим, будто вот-вот разрыдается, что при отсутствующем, безразличном взгляде его светлых глаз казалось совсем странным. Он принадлежал полностью к поколению писателей умерших, к более чистым символистам, чем создатели школы. Блок мог в четырех строчках дать живое, живейшее изображение пассажирского поезда. А Пяст не видел ничего вокруг. Он переводил Стриндберга, писателя второстепенного, по причинам внечеловеческим казавшегося им всем, даже крупнейшим представителям школы, значительным. В начале двадцатых годов сходил Пяст несколько раз с ума. Начиналось это обычно с того, что в одном из темных и длинных коридоров, в глубинах Дома искусств или, говоря проще, в служебных помещениях бывшего елисеевского особняка находили Пяста стоящим лицом к стене и на одной ноге. На вопросы он не отвечал, с места сойти отказывался, и скорая помощь увозила его в психиатрическую лечебницу. И вскоре он возвращался в состоянии обычном для себя. В нем угадывалось что-то значительное. Heilige Ernst наличествовала в самых своих высочайших степенях. Но, увы, в годы гражданской войны, голода, разрухи, полного перерождения его среды ключ к его значительности был утерян¹³.

Впрочем, пястовский аутизм не стоит преувеличивать, он был порой педантично внимателен к набегающим случайностям, подзревая в них символы. Подсказкой к поэтической зоркости ему служила русская поэзия —

Усики, жженные зноем, крыжовника
Мей воспевал, — вот таким восхищен
Летом, как это... (С. 135)¹⁴

Чего-то ему не было дано узнать о внешнем мире, например, о русской эмиграции — скажем, в его прогулке по былым литературным адресам поэт-парижанин Михаил Струве числится в покойниках, хотя пережил Пяста на восемь лет:

...Заходим ко Струве,

Или Струве, как поэта тогда называли
В «Цехе поэтов». Поэты тогда убывали,

¹³ Шварц Е. Телефонная книжка. М., 1997. С. 414–415.

¹⁴ У Льва Мея: «И крыжовник обжог себе усики; / И наливом сквозным светит яблоко» («Лето красное, росы студеные...»).

Как вообще молодежь. Без того не велик-то
 Был их запас. Хорошо на манер Бенедикта

Дело иметь с австрияками было. Руками
 Голыми в плен забирал комсостав с денщиками

Лившиц, и сам приводил в помещение штаба;
 Воины были они небольшого масштаба:

Восемь девярых империи этой лоскутной
 Только и ждали к распаду дорожки попутной.

Чуть эшелоны нетронутых кадров подъедут
 К фронту, бывало, — как хором и рвякают: «Где тут

Плен этот самый? — задолго до «эры братанья»...
 Анрепу тоже подтягивать: «Rule Britania!»

В лондонских было кофейных недурно, и «T'isa
 Long-ong way to Tipperary», — Анрепу из «Физы».

Смертью славных погиб, — в помещеньи квартиры
 На Лопухинской почасту настраивать лиры

И смаковать «Haut-Lanterne» к себе приглашавший
 «Физовцев», — Струве, поэт, никому не мешавший.

В братской могиле (по-шведски de bradernas gruve)
 Тело покоится этого — младшего — Струве.

Много их, выходцев шведских... (С. 253–254)¹⁵

Но вообще он мнительно-настороженно чуток к вторжениям внешнего мира, регистрируя разного рода связи бессвязного как первооснову своего мироздания, отчасти, в духе развиваемой ныне антидоктрины коинсидентологии¹⁶. Ему поэтому естественно уподобить свою нарративную манеру онейроидной галлюцинации:

Я нагоняю трамвая вагон на Бассейной.
 Это во сне (монографию зри Манасейной)¹⁷:

Это во сне, повторяю, преобыкновенно
 Одолевать протяженность пространства мгновенно. (С. 305)

¹⁵ Немалочисленные петербургские Струве были немецкого происхождения. Пяст записал их в шведы из-за подобного имени у одного персонажа в стриндберговской «Красной комнате». Как указал нам шведский славист Магнус Юнгрен, «de bradernas gruve» — неправильный шведский язык, должно быть: «/de/ brödernas» (возможно скорее в старые времена: «brödernes grav») или скорее «brödragrav». По этой теме см.: *Ljunggren M. En gysk symbolist hos Strindberg // Strindbergiana. 2012. № 27. С. 19–30.*

¹⁶ См.: *Резев Й.* Коинсидентология: краткий трактат о методе. СПб., 2015.

¹⁷ Зри: *Манасейна М.М.* Сон как треть жизни человека, или физиология, патология, гигиена и психология сна. М., 1892.

Для сюжетики поэм существенно, что их перерезают трамвайные маршруты четырех десятилетий (начиная с парового трамвая) и потому ожидаемо появляется цитата из самого знаменитого поэтического трамвая XX века:

Быть по желанию моему.
 Быстро развеивается сон...
 Холодно с грохотом в полутьму
 Бешено вывернувший вагон.
 Ну же «Вожатый, останови». [...]

 От пересадки на пожар:
 Имени «Томского стадион».
 Авиашкола, Дворец и Яр...
 «Остановите же вы вагон». (С. 183)¹⁸

Ближайшими предшественниками «расточаемым стилистики красам» (С. 186) стали, видимо, полиметрические поэмы Пастернака, ценимого Пястом¹⁹, и стиховой эпос превознесенного им за виртуозность Сельвинского²⁰. Типологически Пяст с самоиронией говоривший, что, «рыцарь печальной зевоты» (С. 374), «закручивать мастер мозги я» (С. 344), «скрепив витым кольцом всю цепь характеристик» (С. 186), «кто сумеет мне отказать/ во владении комплиментом/ и в умении орнаментом/ расходящееся связать?» (С. 64), «как-нибудь самой кривульной, затерянной тропкой/ я до вершины взойду с моей музою робкой...» (С. 298), несколько напоминает по поэтике одного поэта конца прошлого века. Когда-то голландский русист Кейс Верхейл привел Иосифа Бродского в Амстердаме в гости к падчерице бедного поэта и земляк его по дому Мурузи огласил ей свой экспромт:

How do you do, Mr. Pyast!
 I'm your future, you are my past.

¹⁸ Действие этого «отрыва» происходит в Москве. Стадион «Юных пионеров», два года назад уничтоженный, в 1926 году носил имя М.П. Томского, впоследствии правого уклониста, через десять лет покончившего с собой.

¹⁹ См. надпись на сборнике «Ограда» (1922): «Взыскательному мастеру Борису Леонидовичу Пастернаку юношеские труды Вл. Пяста. 10 XII 923» (Библиотека Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля).

²⁰ См. автометаописательное рассуждение о своем «сверхдлинном размере»:
 ...оставить попрошу пока

Небезызвестного чудачествами, оборванного (в двух смыслах)
 стихотворца...

Да и то сказать. Все право имеет сердиться Илья Сельвинский
 (Единственная, но и прелестная к нему рифма «исполинский»)
 На разглашающего его секрет — как-никак соперника:
 Секрет четырехударного «пятидольника», «пятимерника» (С. 60).

При такой идиосинкратической композиции поэмы изобилуют постоянными проверками читателя на сообразительность. Поэмы эти — сверстницы придуманной в те же годы в «Огоньке» Михаилом Кольцовым «викторины». Загадка строится так:

Один писатель (писатель он русский,
Но заграничных изобразитель див)
Бессмертный создал образ, французский
Театр в рассказе изобразив (С. 51)

— далее следует восемь строк вольного стихового переложения детективного сюжета и лишь затем читателю сообщается ответ загадки

Хоть о постигшем пару разгроме
Дает Муратов свой отчет потом... (С. 52)²¹

Имена реальных лиц прозрачно зашифрованы, подмигнув узкому кругу и заблокировав выугливание будущим комментаторам. Так поддразнивает Пяст своего современника, описывая частную библиотеку в 1917 году, говоря о тех авторах, которых

Очень чуждается библиотечный читатель.

Лег через десять лишь в силу войдет перемена
Вкусов, и выпустит (правда, и то «для гурменов»

Скажут иные...), хотя нарасхват они рваться
Будут (Анри де Ренье белых томиков двадцать

В крепких обложках), — Коленко, ловкач пресловутый,
Вождь переводческой армии, плохо обутой:

У чудотворца пойдёт и Марсель параличный... (С. 288)²²

²¹ Новелла «Ложь в театре»; см.: *Муратов П.П.* Эгерия. Роман и новеллы. М., 1997. С. 459–467.

²² «Возглавлял издательство с момента его образования и до 1929 г. Александр Александрович Кроленко (1889–1970). Это был издательский деятель нового, послереволюционного типа. Будучи юристом по образованию, Кроленко с детства любил и знал книги (этому способствовала и богатая домашняя библиотека). Первая мировая война прервала его юридическую карьеру. В 1920 г. он возглавил библиотечный сектор Петроградского военного округа, а вскоре был приглашен акад. Н.А. Котляревским на работу в издательство «Наука и школа». Здесь он приобрел первый опыт издательской работы. Ему-то и предложило Философское общество возглавить вновь создаваемое издательство. Под руководством А.А. Кроленко в течение нескольких лет издательство выработало свое направление, которое режиссер и художник Н.П. Акимов характеризовал как «систему Станиславского в книжном деле»» (*Рац М.В.* Издательство «Academia». Заметки библиофила // «Academia». 1922–1937. Выставка изданий и книжной графики. М., 1980. С. 9; см. также:

Или об исторических персонажах в рассказе саровской бого-молки:

О Покотилове пишет и Милус,
Ты его, верно, читал? (С. 116)²³

Иногда с несколько неуклюжим лукавством тасуются не буквы, а цифры:

Что же? Три года назад, когда издал я «Встречи»,
Мне попеняла немного сотрудница «Речи»,

Тошная дама с осанкою императрицы,
Бывшая старше меня лет, пожалуй, на тридцать.

Впрочем, кокетничать брошу, к чему это? — мне ведь
Сорок седьмой: не на тридцать, а на 29.

(Честное слово!) Вот так: «Недостаточно стары
«Вы, чтобы ваши сейчас выпускать мемуары;

Вам, может быть (без улыбки!), покажется странно,
Но полагаю, и мне это было бы рано...» (С. 258)

Думаю, что выведена Елена Колтоновская со сбитым счетом ее годов. Однажды Пяст попал ей на перо в газетной хронике о вечере «Пушкинского общества» при Петербургском университете: «Выступило более 20 новых поэтов, среди которых были и зрелые, как В.А. Пяст, и совсем еще неопределившиеся, известные, даже “знаменитые”, пользующиеся явной симпатией аудитории, например, Мандельштам, Рюрик Ивнев, и безвестные, начинающие»²⁴. Все же пястовские «Встречи», возможно, ускорили ее обращение к своей памяти: «В 30-е гг. посылала свои восп. о лит. жизни Петербурга 1890-х гг. В.Д. Бонч-Бруевичу в сб. “Звенья”, но издание сб-ка было прервано, а рукопись К. утрачена»²⁵.

Пястовскую технику намека продемонстрируем на одном примере ассоциативной вязки мотивов:

Не Гете я, — Рабиндранат Тагор,
Хоть далеки мне славные дела его,

Мартынов И.Ф., Кукушкина Е.Д. Александр Александрович Кроленко // Книга. Исследования и материалы. Сб. 28. М., 1974. С. 178–190; в последнем стихе цитаты назван Пруст).

²³ См. записанное в 1844 г. «Симбирским Совестьным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым, близким человеком и сотаинником Преподобного Серафима»: *Нилус С.* Близ есть при дверех. О том, чему не желаю верить и что так близко. Сергиев Посад, 1917. С. 11–15.

²⁴ *Е.К.* [Колтоновская Е.А.]. Вечер молодых поэтов // Речь. 1916. 21 ноября.

²⁵ *Грачева А.М.* Колтоновская Е.А. (1870–1952) // Русские писатели. 1800–1917. М., 1994. Т. 3. С. 30.

Как маяки меж недоступных гор
На высотах массива Гималаева...

Но у меня на Гималаях друг
(Как у того, кто пел о том с усмешкою),
С ним на свиданье, на пожатье рук,
Всегда медлительный, я не промешкаю.
Мне говорили ближние друзья
(Алмазна речь, когда любовью скажется),
Что будет миг, не обозначаю я,
Что этот друг отцом моим окажется.

И Блок, кому синонимом ПОЭТ,
Меня на точку для дыхания трудную
Однажды ставя, записал «секрет»,
Что зрит во мне традицию подспудную,
Которой суть вовеки не понять
Как раз певцам и рыцарям традиции:
Не в том она, чтоб был на месте «ять»,
Не в неподвижности, не в эрудиции.

За слишком лестное благодаря,
Я, друг без лести преданный покойного,
Весь в этой вот традиции горя,
Спешу очиститься от недостойного... (С. 207–208)²⁶

Здесь зарифмована выборка из дневника Блока за 1911–1912 гг.: «Пяст, совсем расстроенный, рассказывает, что было с ним на Финляндском вокзале 7-го октября (секрет)»; «Если писать статью, то уже [...] в связи с [Пястом]: “Запечатанная поэзия” (Эдгар По — подземное течение в России)»; «Не любя демократии, ненавидя всякий американизм, ведь они не поймут и той тайной, запрятанной глубоко культуры, которая есть в По, Гиппиус, Пясте, Пушкине...»²⁷.

Загадку представляют собой «Гималаи». Это для опознания посвященными другого друга Блока цитируются окрыленные пиррихии «Первого свидания» Андрея Белого:

В разрыв трагической культуры,
Где бездна гибельна (без дна!), —
Я, ахнув, рухнул в сумрак хмурый, —

²⁶ Далее, если пересказать прозой, автор объясняет, что он самоподобился Тагору, потому что пошел в своего отца, как и тот.

²⁷ Блок А. Дневник. В двух томах. Л., 1928. Т. 1. С. 123, 31, 35 (в записи о «секрете» имя Пяста заменено тремя звездочками); ср.: Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М., Л., 1963. Т. 7. С. 165, 81, 85; о проблематике сложных взаимоотношений Пяста с Блоком см.: Переписка [А.А. Блока] с Вл. Пястом / Вступ. ст., публ. и коммент. З.Г. Минц // Литературное наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 175–228.

— Как Далай-лама молодой
С белоголовых Гималаев, —...

Точно так же для не весьма широкого круга посвященных вводится название первой книжки В.Б. Шкловского «Свинцовый жребий», книги стихопрозы в 16 страниц с подзаголовком «Дар Виктора Шкловского лазарету деятелей искусств»:

Первое в наших краях поездов появление
С теми, кто жертвой — подобных себе истребленья

(Выросшей вдруг в человечестве мании новой)
В первые месяцы вынул свой жребий свинцовый. (С. 238)

«Помощи скорой» туда подъезжали кареты
И без простоя возили калек в лазареты,

Между же прочими — в самый богатый «дворцовый»:
Тяжести частью лишался там «жребий свинцовый»,

Бархатом ручек утепленный в бархате кресел,
По Архимеду он менее прежнего весил. (С. 240)

Так же появляется в кавычках титул книги Мариэтты Шагиной «Своя судьба» (С. 238), а в «советской» главе — в кавычках и без оных — образчики новой титрологии из Ф. Панферова и А. Серафимовича:

Как будто не буквы, а самые звуки
В мой мозг проникали,
Подобные стали
Брускам в ярко-белом раскале;
И мозг мой — как штамба
Расплавом
Стремившейся вылиться глыбы
На миг наполнялся,
Чтоб тысячесильные краны
Нести ее дальше могли бы,
Несли бы
«Железный поток» и по куриям дальним ... (С. 343)

Не погрешив против истины, можно утверждать, что, по-видимому, каждая строфа в обеих поэмах рассчитывает минимум на одну глоссу.

3. О комментариях и автокомментариях

В книжке «Стихотворения» из одесской диалогии предпринята попытка комментария, которую нельзя считать успешной. Так, пояснения к стихотворению «Великолепная Мангуст», некогда по-

радовавшему читателей, даже не очарованных Пястом²⁸, целиком неверны. Правильный и великолепный же комментарий см. в работе Александра Соболева «“Великолепная Мангуст” В. Пяста: опыт комментария с двумя экскурсами»²⁹. Посвящение В.К. И.-Ш. над вторым стихотворением из цикла «Два портрета», изображающим неженственную женственность, обращено не к Иванову-Шурыгину, а к Вере Константиновне Ивановой-Шварсалон, в то время как первый портрет из цикла живописует ее отца³⁰. Стихотворение «На “Альманахе”» (август 1920) отношения к «Альманыху муз» (1916) не имеет, а относится к состоявшемуся 3 августа устному шестому «Живому Альманыху Дома литераторов», «посвященному всецело поэтам и их творчеству», о котором Пяст написал отчет в газету³¹. Там же и ряд других неточностей.

Томик «Поэмы» выпущен без комментария (выборочно разъяснены некоторые из «устарелых» слов). Это вынужденное решение скорее верное — даже минимальнейший комментарий ко всем названным Пястом именам (а ведь к скольким еще не названным, запрятанным в складки текста) людей, мест, книг и событий потребовал бы долгой работы научного коллектива.

²⁸ См.: «Он слишком умный поэт. Рассуждений сколько угодно, но ни образности, ни музыкальности, т.е. того, что поэту только и нужно — нет у него. De la musique avant toute chose — не закон для Пяста. В тоненьких белых книжках нет следа этой музыки. [...] Мы же (да простит автор) отдаем пальму первенства стихотворению из “Третьей книги лирики”, посвященному кобыле Мангуст.

О, тонконогая Мангуст...

Твоя блестящая карьера

Ахматовских достойна уст!

Это стихотворение сделано легко и музыкально» (*Эрг* [Гуль Р.Б.]. [Рец. на кн.:] Пяст Вл. Ограда: Первая книга лирики. Берлин; Пг.; М.: Изд. З.И. Гржебина, 1922; Львиная пасть: Вторая книга лирики. Берлин; Пг.; М.: Изд. З.И. Гржебина, 1922. Третья книга лирики. Берлин; Пг.; М.: Изд. З.И. Гржебина, 1922 // Накануне. 1923. 12 октября). Ср.: «В этих двух сборниках он неизменно холоден и элегантен, его форма всегда закончена [...] напев музыкален, но на всех этих богатствах лежит тяжелая склепная тень» (*Петровская Н.* [Рец. на кн.:] Пяст Вл. Ограда: Первая книга лирики. Берлин; Пг.; М.: Изд. З.И. Гржебина, 1922; Львиная пасть: Вторая книга лирики. Берлин; Пг.; М.: Изд. З.И. Гржебина, 1922 // Накануне. 1922. 25 ноября).

²⁹ *Соболев А.Л.* Летейская библиотека. Очерки и материалы по истории русской литературы XX века. М., 2013. Т. II. Страннолюбский перебарщивает. Сконапель истоар. С. 43–62.

³⁰ Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / Отв. ред. А.Ю.Галушкин. М., 2005. Т. I. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. С. 605.

³¹ См. наши комментарии в кн.: *Пяст Вл.* Встречи / Вступ.ст., подгот. текста и комм. Р. Тименчика. М., 1997. С. 293, 325.

Эту необходимую составляющую своих поэм Пяст осознавал и сам. Готовя выпустить «Поэму о городах» в свет, он стал работать над примечаниями, только часть которых воспроизведена в одесском издании. Первые читатели (например, В. Шкловский) именно эти кусочки пястовской мемуарной прозы очень ценили. Но, разумеется, Пяст, прислушивавшийся в первую очередь к себе, а не к воображаемому читателю, давал объяснения весьма выборочно, тем самым еще более усугубляя темноты остального текста.

Вот строфы из самого начала первой, вступительной Песни «Поэмы о трех городах» (строфы 4–7):

Не выбросил ли Тупикова дом
С его «Былым», проросшим после «Колосом»,
Меня на свет, — в обличи худом
С длиннучим носом и гремучим голосом?
Со впадиною сверху, где висок
Венчается твердыней мозга, теменем,
Уже в утробе скомкавшего срок,
Считаться не желавшего со временем?

В том доме многие на волоске
От смерти не бывали ль и впоследствии?
Но дула блеск, внезапный шок в виске,
Нажим курка, такое ль это бедствие?
Не там ли Щеголева компаньон
С собой покончил. Где отсюда следует,
Что, труд о Пушкине прервав, и он,
Пройдет пять лет, за спутником последует?

Пусть от болезни все же дирижер
Широких взмахов — умер Паша Щеголев.
В свой час под сень сойдет и Ольга Форш —
А памятник достроит ли свой Гоголев?
Уйдет и сильный Алексей Толстой —
Вслед за своим, хоть временным, наперсником...
И Ремизов, и с этими, и с той
Порвавший, но оставшийся им «сверстником».

Насупротив, лишь стукнет ему год,
Буржуазии сын, на горе Друзиным
И неким прочим, двадцать лет живет
В арабском доме вычурном Мурузином,
И маленький — кто скажет Пяс, кто Пяст,
А кто и Пес, не с бабушкой вместе ли
Шагает в первый ножками подъезд
С той улицы, что памятна о Пестеле? (С. 199–200)

Здесь речь идет о рождении (недоношенного) автора, Владимира Пестовского, сменившего имя на «Пяста», в доходном доме

А.М. Тупикова (Литейный пр., 21 / ул. Пестеля, 14), где в 1906–1927 гг. находилось издательство «Былое», руководимое (наперсником А.Н. Толстого) П.Е. Щеголевым, заместитель которого по финансовой части П.А. Краков покончил с собой в связи с крахом издательства в 1927 г., а также кооперативное издательство «Колос» Ф.И. Витязева-Седенко. Все это, по мнению Пяста, должно было быть понятно читателю.

При оформлении для печати этой «Песни» он счел нужным в процитированном фрагменте пояснить только порвавшего со Щеголевым и автором романа о Гоголе Ольгой Форш Алексея Ремизова — «А.М. Ремизов, белоэмигрант-писатель, так недавно опубликовал article, начинающийся словами “Три нас было сверстника и навсегда останутся: Пал Елисеич Щеголев, а третий — доктор Нюренберг”» («белоэмигрант-писатель» вписано позднее в машинопись) и, памятный на литературные обиды³², закрепил примечанием имени Г.Е. Горбачева (присутствовавшего до слухов о его аресте в 1935 году в первом варианте поэмы на месте слов «И неким прочим») с В.П. Друзиным: «В учебнике для вузов Г.Е. Горбачева “Капитализм в русской литературе” автор поэмы назван: в одном месте книги “убежденным”, в другом — “пошлым”, но в обоих — буржуа. Друзин, писавший критические очерки в “Красной газете”, а потом в журналах, упомянут ради полной рифмы».

К строкам

Не утопить забвения реке,
Когда-когда пойду долиной Стиксовой,
Мой первый вылет на паровике
Из-под аркад громады Фредериксовой (С. 204),

где речь о поездке шестилетнего Пестовского по «линии паровой конно-железнодорожной» к Фарфоровому заводу на Шлиссельбургском тракте от доходного дома Эссен-Стенбок-Фермора (Фредерикса), Пяст делает примечание:

Хоть я не предполагаю читать в комментариях лекции по петербургологии, но для круглых в ней невежд укажу, что «громада» — («Дом Фредерикса») — первое общежитие по комнатной системе на углу Лиговской и 2-ой Советской. О нем см. «Конец хазы» В. Каверина. В нем жила, между прочим, учительница из-за Невской заставы Мария Васильевна Величко. От этого дома и начинался «паровик». В предыдущем стихе была «гипербола» — вместо «выезд», — «поэтический» «вылет».

³² См., например: *Тименчик Р.Д.* Выписки к записям // М.Л. Гаспаров. О нем. Для него: Статьи и материалы / Сост., предисл. М. Акимовой, М. Тарлинской. М., 2017. С. 564–580.

О заключительных строфах «Поэмы о трех городах» — про перестраивавшегося в 1932 году поэта —

И потому — за тридцать восемь лет
 Не больше двух сменилось поколений, но
 Семяниковского завода нет,
 А есть «Судостроительный», но «Ленина».
 Другой завод гремит «Большевиком»,
 И огненным пейзажем феерическим
 Сияет ночь, и не паровиком
 К нему летишь, а трамом электрическим.

В том, что Россия — великанов трам,
 Что Ленинград — и только Петроградская
 В нем сторона — хотя на малый грамм
 Легла на чашу, и игра их братская,
 И в том, что достояние самих
 Рабочих масс развернутый «Обуховский»,
 Вина — и «пчел» — «партиек» — «трудовых»,
 И трутней с трубками, как Тугоуховский.

Я чувствую — финальный мой аккорд,
 Театра тему сливший с пропагандою,
 Притушен был, как будто с клавикорд
 В «Старинный вечер», выточенный Вандою:
 «Надсаживавшегося» «из Бордо»
 Фатально мне напоминать «французика»,
 Тогда как здесь — необходима в до-
 Мажорном оркестрованная музыка (С. 223), —

Пяст примечал:

Россия — великанов трам — «Трам» не всегда означает «Театр рабочей молодежи», но иногда, как в данном случае — «вагон трамвая». «Трамваем» называется путь, или целое данного способа движения. Вариант 8-и стихов: «Что весь СССР — гигантский трам, / что Ленинград — и только Петроградская / в нем сторона — хотя на малый грамм / того причиной их «работа» братская. / И в том, что достояние живых рабочих сил тот “Большевик Обуховский”, / — вина партийных “пчелок трудовых”... / и трутней всей породы Тугоуховской». Вариант хуже основного. В обоих — намек на известную книгу А.М. Коллонтай. *Выточенный Вандою* — т.е. Вандою Ландовской, выступавшей в «Вечерах старинной музыки» с двумя Казадезюсами (из которых один сделался солистом-виртуозом рояля). Ванда играла на клавесине, звук которого не притушенный, а мало сравнительно с роялем «обертонированный», звонко-сухой. *Фатально мне напоминать французика* — как видит читатель, «лейтмотив» всей первой, скорей все-таки вступительной «песни» — игравшее такую роль в шестилетнем моем возрасте «Горе от ума», с его различными персонажами.

Очевидно, что эти пястовские примечания в свою очередь должны обрасти широким историко-культурным комментарием,

куда должны войти этюды о разрастании до абстракции символа «трамвая», об образности учения, изложенного в книге «Любовь пчел трудовых», о пафосе культа старинной музыки в предреволюционном Петербурге, об аллюзионном потенциале грибоедовской комедии в пору между двумя революциями, когда Блок даже Анри Матисса называл французиком из Бордо и т.д.

Пястовский лироэпос — это текст, предполагающий сноски к сноскам, вызывающий к эскалации комментария.

4. О минимальном и оптимальном

Речь выше шла, в основном, все же о минимальном комментарии, строго необходимом в массовых изданиях. Литературному же памятнику приличествует комментарий не минимальный, а оптимальный. Минимальный комментарий, изготовляемый под знаком фактологической бесспорности, регистрирует часто обыгрываемые Пястом ходовые мемы первой трети прошлого века — например, «пусть к “приспособившимся” отнести себя “Вовам” / Я [...] не мог» (С. 268)³³, «Не в саде ль Сан-Галли // “Чубаров” расцвел» (С. 11)³⁴, «Марсово поле (над ним — такова моя вера — / Будет он выситься, свето-Гидониев глобус!)» (С. 372)³⁵, «И в час, когда питерский воздух промозглый окрест / Октябрьскими пулями был иссечен и пронизан, / В квартире на Сергиевской “J’y suis et j’y reste!” — / Нелепый, но чванный, к себе приспособил девиз он» (С. 355)³⁶, She из романа Райдера Хаггарда (С. 16), разумеет-

³³ Как это сделано в изданиях Маяковского к строчкам: «Вокруг него его подхалимы — патриоты — приспособились Вовы — пишут, руки продавшие вымыть...». Имеется в виду водевиль Е.А. Миновича в петроградском Интимном театре в 1916 г. Ср.: «фарс веселый — взять хотя бы “Вова приспособился” — лучшее, что когда-либо в жизни приходилось мне видеть в театре» (*Пяст В.* Комедия и философия («Человек и сверхчеловек» в Гос. театре комич. оперы) // Жизнь искусства. 1920. 30 ноября — 2 декабря).

³⁴ В 1926 г. в саду завода «Красный кооператор» (быв. Сен-Галли) близ Чубарова переулка (ныне — Транспортный) в районе Лиговки произошло групповой изнасилование, породившее термин «чубаровщина». См.: *Шаропова О.Л.* «Чубаровщина»: в преддверии судебных политических процессов конца 1920-х годов // https://eu.spb.ru/images/pss_dep/sharapova.pdf

³⁵ Разработанный другом Пяста, уничтоженным в 1937 году Григорием Гидони, проект «Светового Памятника Революции» в виде гигантского полупрозрачного глобуса, внутри которого находится зал светомузыки для тысяч зрителей. См.: *Пяст В.А.* Светопамятник Гидони // Красная газета. 1927. 18 сентября.

³⁶ «Раз уж я здесь, я здесь и останусь». Изречение, числившееся за маршалом Патрисом Мак-Магоном. Об истории цитаты см., например: *Dupré P.* Encyclopédie des citations. Paris, 1959. P. 112; *Geflügelte Worte: der Zitaten-*

ся, Венеру Обри Бердслея (С. 16), коль скоро вся поэма называется «По тропе Тангейзера», или «темные восторги расставанья» (С. 100) из волошинского венка сонетов «Corona astralis» и т.д., и т.п. А оптимальный комментарий должен обозначить хотя бы кратко биографический и историко-литературный контекст цитаты, и здесь возможна умеренная доля предположительности.

Рассмотрим два примера. Это отсылки к двум мемам Ахматовой. Первый — в поэме «По тропе Тангейзера», второй — в «Поэме о трех городах».

Первый — запомнившийся всем надолго с самого своего появления: «Восприятие ее иногда нравится своей затейливой вещественностью: “Высоко в небе облачко серело, как беличья расстеленная шкурка”»³⁷.

У Пяста:

«Беличьей» простреленную шкуркою
Небо обернулось не шутя!
Сказано решительное «нет!»
Мелкой дрожью мышцы тела схвачены...(С. 84).

Этот образ Ахматовой, столь ценимая в Цехе поэтов «обратная гипербола»³⁸, дождался десять лет спустя своей канонизации или коронации в присутствии Пяста. Ахматова рассказывала П.Н. Лукницкому:

«Зимой [19]21–22 в Д[оме] Иск[усств] заседание. Лурье выбр[али] председателем. Имя А.А. у всех на устах. Хотим писать как Ахматова, не как Гум[илев] (но ведь А.А. [врезала?] беличью шкурку на фоне символизма). А.А. сидела со Шкловским и ехидничала. Шкловский встал и стали их [к...ть] — говорил все, что А.А. ему нашептала — (А.А. боялась, что он скажет, что это она сказала)»³⁹. Речь шла о вечере Цеха поэтов 27 февраля 1922 г.⁴⁰

schatz des deutschen Volkes. Gesammelt und erläutert von Georg Büchmann. Frankfurt/Main, Berlin, 1986. S. 333 („Ich bin da und bleibe da“).

³⁷ Чудовский В. По поводу стихов Анны Ахматовой // Аполлон. 1912. № 5. С. 48.

³⁸ См., впрочем, рассказ Гумилева в передаче И.Одоевцевой: «“Все же, несмотря на то, что это образ чисто акмеистический, надо обладать изумительным зрением, чтобы разглядеть в небе на таком расстоянии крохотную распластанную беличью шкурку. Я советовал заменить ее овечьей, но Ахматова меня, конечно, не послушала” — рассказывал мне он. — “Хорошо сделала”, — подумала я про себя» (Одоевцева И. Об “акмеистах” // Новое русское слово. 1974. 3 февраля).

³⁹ Лукницкий П.Н. Асуміана // ИРЛИ. Коллекция П.Н. Лукницкого. Сообщено Т.М. Двинятиной.

⁴⁰ Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2005. Т. I. Ч. 2. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. С. 334.

Семь лет спустя Пяст писал в мемуарной книге: «“Ахматовское” направление стало определять чуть ли не всю женскую лирику России. Ее

“Беличья распластанная шкурка”, —

как правильно говорил когда-то Викт. Шкловский, — стала “знаменем” для пришедшей поэтической поры, — послужив ключом для некоего возникающего направления...»⁴¹

А еще десять лет спустя Шкловский, которому книга Пяста напомнила о его импровизации и перешептывании с Ахматовой, вставил в свои мемуары: «А любовь, воздушная и минутная, связана с тающим облаком. Облако конкретное, маленькая беличья шкурка стали знаменем акмеизма»⁴².

Легкий сдвиг, усиливающий трагизм, смелое переименование цитаты Пяст позволил себе как очевидец жизни мема, как соглядатай его истории.

Второй мем тоже, как говорил другой поэт постсимволистского поколения, «прогремел на всю Россию».

Мы, унесясь, героиню оставили в спертом
Траме, несущемся (бывшим!) маршрутом четвертым.

Не беспокойтесь, читатель, она — не иголка,
Не потеряется Зоя, как та треуголка,

Пушкин которую будто бы клал на газоне
Возле себя, либо в память о Наполеоне,

Либо фантазией дикою: камерлакейской
(Пушкинское выраженье) вместо лицейской

Формы (фуражки невзрачной) форснуть обуянный...
(Так нам поведано бардом, Ахматовой Анной).

Впрочем, вам этому слишком не стоит удивиться:
Вывел же Лермонтов с гривой косматую львицу!

Львицами, правда, зовут аванажных и в теле
Женщин, — но гривы у этих растут на хребте ли!

Наша такая поэма, что все ей здорово!
Вместо четвертого, кончик маршрута второго

Нами посильно описан — и в песню годится!
Вдоволь четвёртым успеем еще насладиться!

⁴¹ Пяст В. Встречи. М., 1929. С. 156.

⁴² Шкловский В. О Маяковском. М., 1940. С. 29; см. подробней: *Тименчик Р.Д.* Виктор Шкловский, филолог: из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // *Литературная жизнь. Статьи. Публикации. Мемуары. Памяти А.Ю. Галушкина / Сост. М.П. Одесский, М.Л. Спивак. М., 2017. С. 278–279.*

Нынче от кладбища к кладбищу номер тот пущен.
Раньше ж — от места, где чуть не повешен был Пушкин

(С теми пятью в протоколе стоял он не вместе ль?
Рюмин, Апостол, Каховский, Рылеев и Пестель),

От Декабристов могилы тогда «Голодая»... (С. 258–259)

Стихотворение «Смуглый отрок бродил по аллеям...» Пяст услышал на первом заседании Цеха поэтов 20 октября 1911 г. у Городецкого⁴³. С тех пор, с 1911 по 1932 год он должен был не раз наткнуться на прославленный *pointe* этого стихотворения:

«Анна Ахматова любит предметы независимо от их отношения к ее горю и тоске, напротив — крупное и большое и начинает она любить через эти мелочи и когда вспоминает Пушкина, то самым близким ей в нем вспоминается «треуголка», да «разорванный том Парни». В таком изощренном ощущении вещей, кажется, можно видеть ту нить, которая выведет поэта из лабиринта овладевшей им печали»⁴⁴.

«Перчатки и треуголки Ахматовой, “деревянные домики” Цветаевой неожиданно открыли новый мир, научили с особенной тревогой брать в руки новую женскую книгу»⁴⁵.

«Они [не названные по именам Гумилев и Ахматова] идут, рука об руку, по дорожке, огибающей озеро, и прислушиваются к шелесту шагов смуглого отрока, бродившего тут столетие назад:

Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни...»⁴⁶

Ср. о «воспоминании о Пушкине Вс. Рождественского (не без влияния Ахматовой):

О чем задумался, отбросив Апулея,
На бронзовой скамье курчавый лицеист»⁴⁷. И т.д.

Пяст посещал и последующие первые собрания Цеха в 1911 г.⁴⁸ Дискуссия о финальных реалиях в ахматовском стихотворении могла возникнуть в Цехе после сопоставления его со стихотворе-

⁴³ Лукницкий П.Н. *Acumiana*. Встречи с Анной Ахматовой. Т. II. 1926–1927. Париж; М., 1997. С. 28.

⁴⁴ *Зноско-Боровский Е.* [Рец. на кн.:] Ахматова А. Вечер. СПб., 1912 // Литерат. и попул.-научн. прилож. «Нивы». 1913. № 1. С. 159.

⁴⁵ *Э[ренбург] И.* Новые поэтессы // Гелиос. Париж, 1913. № 1. С. 46.

⁴⁶ *Голлербах Э.* Город муз. Детское Село, как литературный символ и как памятник быта. Л., 1927. С. 64.

⁴⁷ *Слонимский А.* [Рец. на кн.:] Петербургский сборник. Пг., 1922 // Книга и революция. 1922. № 4(16). С. 45.

⁴⁸ Например, на квартире С. Пиленко в отсутствие Гумилева 10 ноября 1911 г. (Записи М.Л. Лозинского // ИРЛИ. Коллекция П.Н. Лукницкого. Альбом X. № 19.)

нием Михаила Кузмина, написанного в то же время: «С какою-то странной силой... / Владеют нами слова... [...] / Но слово одно “треуголка” / Владеет мною теперь. / Конечно, тридцатые годы, / И дальше: Пушкин, лицей / Но мне надоели моды...»⁴⁹. Что могла бы ответить Ахматова в такой дискуссии, где ее сравнили с Лермонтовым, чья ошибка была незадолго до того вновь введена в активный оборот?⁵⁰ Исходя из того, о чем писала впоследствии ее подруга В.С. Срезневская в воспоминаниях о молодой Ане Горенко: «Мы много гуляли по паркам, обе боготворили Пушкина, знали его хорошо, помнили и изучали его биографию по всем доступным нам источникам (письмо Жуковского отцу, лицейские заметки, словом, тот скудный материал, попадавший в наши еще такие слабые руки)!»⁵¹ [18], — она должна была напомнить придиравшимся к «треуголке» один из самых популярных источников:

Форма одежды сначала была стеснительна. По будням — синие сюртуки с красными воротниками и брюки того же цвета: это бы ничего; но зато, по праздникам, мундир (синего сукна с красным воротником, шитым петлицами, серебряными в первом курсе, золотыми — во втором), белые панталоны, белый жилет, белый галстук, ботфорты, треугольная шляпа — в церковь и на гулянье. В этом наряде оставались до обеда. Ненужная эта форма, отпечаток того времени, постепенно уничтожалась: брошены ботфорты, белые панталоны и белые жилеты заменены синими брюками с жилетами того же цвета; фуражка вытеснила совершенно шляпу, которая надевалась нами только, когда учились фронту в гвардейском образцовом батальоне⁵².

Не потому ли, что этот источник был назван, или потому, что Пяст, как часто в этих двух поэмах бывает, продолжает думать над уже написанным и на протяжении выстраивания следующего куска, в его повествовании через 10 стихов на трамвайном маршруте появляется Иван Иванович Пуцзин?

Литература

Ахматова А. Записные книжки (1958–1966) / Сост. и подготовка текста К.Н. Суворовой. М.; Torino, 1996. 873 с.

⁴⁹ Кузмин М. Осенние озера: Вторая книга стихов. М., 1912. С. 71; *Тименчик Р.* Ахматова и Пушкин. (Разбор стихотворения «Смуглый отрок...») // Пушкинский сборник. Рига, 1968. С. 130.

⁵⁰ Ср.: «У Лермонтова “Терек прыгает, как лвица, с косматой гривой на хребте”, а между тем, сколько известно, лвица именно и отличается от льва отсутствием гривы» (*Измайлов А.* Кривое зеркало. Пародии и шаржи. СПб., 1910. С. 45).

⁵¹ Цит. по: *Тименчик Р.* Анна Ахматова и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 108–109.

⁵² Записки И.И. Пуцины о Пушкине. СПб., 1907. С. 20.

[Блок А.А.] Переписка с Вл. Пястом / Вступ.ст., публ. и коммент. З.Г. Минц // Литературное наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 175–228.

Грачева А.М. Колтоновская Е.А. (1870–1952) // Русские писатели. 1800–1917. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 29–30.

Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. I. Ч. 1–2. Москва и Петроград. 1921–1922 гг.

Мартынов И. Ф., Кукушкина Е.Д. Александр Александрович Кроленко // Книга. Исследования и материалы. Сб. 28. М.: Книга, 1974. С. 178–190.

Пяст Вл. Встречи / Изд. подгот. Р. Тименчик. М.: Новое лит. обозрение, 1997. 416 с.

Пяст В. Поэмы / Сост. А.Н. Катчук. Одесса: Изд-во Optimum, 2016.

Рац М.В. Издательство «Academia». Заметки библиофила // «Academia». 1922–1937. Выставка изданий и книжной графики. М.: Книга, 1980. С. 4–16.

Реgev Й. Коинцидентология: Краткий трактат о методе. СПб.: ТрансЛит, 2015. 56 с. Соболев А.Л. Летеиская библиотека: В 2 т. М.: Трутенъ, 2013.

Тименчик Р. Анна Ахматова и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография Л.: Наука, 1982. С. 106–118.

Тименчик Р. Ахматова и Пушкин. (Разбор стихотворения «Смуглый отрок бродил по аллеям...») // Пушкинский сборник / Уч. зап. Латвийского госуниверситета. Т. 106. Рига, 1968. С. 124–131.

Тименчик Р.Д. Виктор Шкловский, филолог: из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Литературная жизнь. Статьи. Публикации. Мемуары. Памяти А.Ю. Галушкина. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 271–284. (Биб-ка «Литературного наследства»). Новая серия. Вып. 1.)

Тименчик Р.Д. Выписки к записям // М.Л. Гаспаров. О нем. Для него: Статьи и материалы. М.: Новое лит. обозрение, 2017. С. 564–580.

Тименчик Р. Что вдруг. Статьи о литературе прошлого века. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, [2008.] 686 с.

References

Akhmatova A. *Zapisnye knizhki (1958–1966) / Sost. i podgotovka teksta K.N. Suvorovoi*. Moscow; Torino, 1996. 873 p.

[Blok A.A.] “Perepiska s Vl. Pjastom”, introd., comm. Z.G. Mints. *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, 1981. Vol. 92, book 2, pp. 175–228.

Gracheva A.M. “Koltonovskaia E.A. (1870–1952)”. *Russkie pisateli. 1800–1917*. Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopedia, 1994. Vol. 3, pp. 29–30.

Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia, ed. A.Yu. Galushkin. Moscow: IMLI RAN, 2005. Vol. I. Ch. 1–2. Moskva i Petrograd. 1921–1922 gg.

Martynov I.F., Kukushkina E.D. “Aleksandr Aleksandrovich Krolenko”. *Kniga. Issledovanie i materialy*. Issue 28. Moscow: Kniga, 1974, pp. 178–190.

Piast V. *Poemy*, ed. A.N. Katchuk. Odessa: Optimum Publ., 2016.

Piast V. *Vstrechi*, ed. R. Timenchik. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1997. 416 p.

Rats M.V. “Izdatel'stvo ‘Academia’. Zаметki bibliofila”. *“Academia”*. 1922–1937. *Vystavka izdaniia i knizhnoi grafiki*. Moscow: Kniga, 1980, pp. 4–16.

Regev I. *Koinsidentologiiia: Kratkii traktat o metode*. St.-Petersburg: TransLit, 2015. 56 p.

Sobolev A.L. *Leteiskaia biblioteka*: in 2 vols. Moscow: Truten', 2013.

Timenchik R. “Anna Akhmatova i Pushkinskii Dom”. *Pushkinskii Dom. Stat'i. Dokumenty. Bibliografiia*. Leningrad: Nauka Publ., 1982, pp. 106–118.

Timenchik R. “Akhmatova i Pushkin. (Razbor stikhotvoreniia *Smuglyi otrok brodil po alleiam...*)” *Pushkinskii sbornik*. Uchenye zapiski. Latviiskogo gosuniversiteta. Vol. 106. Riga, 1968, pp. 124–131.

Timenchik R. *Chto vdrug. Stat'i o literature proshlogo veka*. Moscow; Ierusalim: Mosty kul'tury Publ.; Gesharim Publ., [2008.] 686 p.

Timenchik R.D. “Viktor Shklovskii, filolog: iz Imennogo ukazatel'ia k *Zapisnym knizh-kam Akhmatovoi*”. *Literurnaia zhizn'. Stat'i. Publikatsii. Memuary. Pamiati A.Iu. Galushkina*. Moscow: IMLI RAN publ., 2017, pp. 271–284. (Bib-ka “Literaturnogo nasledstva”. Novaia seria. Issue 1.)

Timenchik R.D. “Vypiski k zapisiam. *M.L. Gasparov. O nem. Dlia nego: Stat'i i materialy*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, pp. 564–580.

Notes of a Commentator

[5.] The Pestovsky Enigma

Roman Timenchik

Abstract: The new 2016 edition of the poems by V. Pyast (*Along Tannhäuser's Path; Poems of Three Cities*) allows to raise a series of problems in the field of text studies, publishing and commentary.

Keywords: V. Pyast, historico-literary commentary, Russian Symbolist and Post-Symbolist poetry.

Information about the author: Roman D. Timenchik. PhD. Professor of Hebrew University of Jerusalem (Israel). E-mail: litfact@gmail.com